

В.Ю. Рипянчина
ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СТЕНДАЛЯ

Литературный клуб «Rendez-vous avec la poésie française» при УО «ВГУ им. П.М. Машерова», ставший лауреатом специального Президентского фонда Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, регулярно принимает участие в днях французской культуры. Участникам клуба, помимо переводов французской классики на белорусский и русский языки, сочинения музыки и написания картин по полубившимся произведениям, интересно знать все события, связанные с Францией и нашей землей. Особый интерес вызывают фигуры исторических деятелей Франции, в частности Наполеона, что особенно актуально в год 200-летнего юбилея войны 1812 г.

События войны нашли своё отражение в многочисленных литературных произведениях, которые часто дополняют многочисленные документальные исторические источники. Писали о событиях 1812 г. Л. Толстой («Война и Мир»), А. Мицкевич («Пан Тадеуш»). Обращались к этой теме и французские классики. В частности, Анри-Мари Бейль (более известный под литературным псевдонимом Стендаль) был офицером наполеоновской армии и даже принял участие в «русской компании 1812 года». Этот известный литератор в ходе боевых действий побывал в Москве, Смоленске, Витебске, Могилеве, Орше, Минске, Борисове.

«Когда мы прибыли в Витебск, за границей распространились слухи, что Император довольствуется тем, что задержится в этом городе, чтобы организовать снабжение армии необходимыми средствами к существованию, отложив на следующий год исполнение своих грандиозных замыслов в отношении России», – напишет позже в своих воспоминаниях Анри-Мари Бейль. И действительно, 28 июля, входя в императорскую квартиру губернаторского дворца, Наполеон снял саблю и, положив ее резким движением на карты, которыми были покрыты столы, вскричал: – «Я останавливаюсь здесь! Я хочу здесь осмотреться, собрать тут армию, дать ей отдохнуть, хочу организовать Польшу. Кампания 1812 года кончена! Кампания 1813 года сделает остальное!» [1, с. 219].

Осматривая Витебск и его окрестности, Бонапарт отдал распоряжение приступить к устройству всякого рода учреждений, а также построить тридцать шесть хлебопекарен, которые могли бы одновременно испечь 29 тысяч фунтов хлеба. Наполеоновские интенданты не ограничивались только тем, что было полезно, но и приступили к обустройству занятых земель. «Так как вид дворцовой площади портили кирпичные здания, то Император приказал своей гвардии сломать их и унести обломки. Он даже помышлял уже о зимних удовольствиях – парижские актеры должны были приехать в Витебск. Но, так как этот город был теперь безлюдным, то Наполеон рассчитывал, что зрительницы сами явятся из Варшавы и Вильно» [3, с. 262].

Но впоследствии Наполеон изменил свои планы, направившись в сторону Москвы, где постепенно боевые действия приобрели иной характер. Особенно ярко ощущалась смена характера войны при осаде Смоленска, где народная борьба велась в едином патриотическом порыве: «Мы вошли в город при свете пламени пожаров, но они были ничто по сравнению с тем, что ожидало нас в Москве. Армия неприятеля эвакуировала свое население, после того как сильно разграбила город и сожгла большинство складов». При вторжении в Москву, Анри-Мари Бейль получил должность помощника военных комиссаров, и был определен в администрацию «малой» императорской квартиры, где занимался в дальнейшем интендантством (наполнением провиантских «магазинов», находящихся на кон-

троле у Наполеона). Накануне ухода Великой армии из Москвы, французского офицера отправляют в Смоленск с задачей создания резервных запасов продовольствия: «Я облечен чем-то вроде власти над интендантами Смоленска, Могилева и Витебска», – резюмирует Анри-Мари Бейль [1, с. 227].

Значительный интерес представляет тот факт, что Анри-Мари Бейлю повезло войти в круг приближенных лиц Наполеона. «Это человек, наделенный необычайными способностями и опаснейшим честолюбием, самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого он, думается мне, превзошел. Он был скорее создан для того, чтобы стойко и величаво переносить несчастье, нежели для того, чтобы пребывать в благоденствии, не поддаваясь опьянению. Доходя в своем гневе до бешенства, когда противились его страстям, он, однако, был более способен к дружбе, нежели к длительной ненависти. По величию души и покорности судьбе, которые Наполеон проявил в несчастье, лишь немногие равны ему, и никто его в этом не превзошел» [2, с. 306]. Молодой интендант восхищался блестящим полководцем, его аналитическим складом ума, эксцентричностью и нелинейностью, видел в Императоре несравненного великого тактика и превосходного администратора. Однако, спустя несколько лет по окончании войны, Анри-Мари Бейль напишет: «Наполеон говорил, что если он добьется успеха в России, то будет владыкой мира. Он потерпел поражение – не от людей, а от собственной своей гордыни и от климатических условий» [1, с. 183].

Несмотря на то, что Стендаль, как француз, воспеваеет своего полководца, и в тоже время он отдает дань уважения жителям Российской империи, дух которых испокон веков укреплялся сильной верой: «Не воззвания и не награды воодушевляют русских солдат на бой, а приказания святого угодника Николая. Маршал Массена рассказывал в моем присутствии, что русский, когда рядом с ним падает смертельно раненный его земляк, настолько уверен в том, что он воскреснет у себя на родине, что поручает ему передать привет своей матери. Россия, подобно Риму, имеет суеверных солдат» [1, с. 412].

Незабываемые впечатления о пребывании в прежней русской столице и пожаре Москвы 15–19 сентября 1812 года нашли отражение в посланиях Анри-Мари Бейля своей сестре Полине, друзьям и коллегам по службе: «Мы выехали из города, освещенные самым величественным пожаром в мире, образовавшим огромную пирамиду, основание которой, как у молитвы правоверных, было на земле, а вершина уходила в небо. Над этой пеленой из пламени и дыма показалась луна. Зрелище было внушительное...». Также Анри-Мари Бейль писал: «И зачем я поехал в эту чужую, холодную, варварскую страну?» – хмурился наполеоновский офицер, плотнее закутываясь в шинель и созерцая сквозь окошко кареты безграничные заснеженные пространства, трупы замерзших французов и пепелища сожженных русских городов и сел» [1, с. 498].

Остатки «Великой Армии» Наполеона отступали, а вместе с ними покидал Российскую империю и Стендаль, который успел своевременно сориентироваться и переправился через Березину прямо перед носом у русских казаков, которые настигали французов. Лишения, пережитые в русском походе, еще долго будут напоминать о себе: «Я очень устал, но не болен. Я ощущаю внутренний холод и пью пунш и кофе, – но ничего не помогает; я всегда голоден и мерзну» [1, с. 514]. «Я пал вместе с Наполеоном в апреле 1814 года», – скажет впоследствии писатель. Анри-Мари Бейль окончательно выходит в отставку с половинной пенсией наполеоновского офицера и на всю оставшуюся жизнь посвящает себя литературно-публицистической деятельности.

Таким образом, Анри-Мари Бейль был непосредственным участником войны 1812 года, что позволило ему в дальнейшем особенно правдоподобно передать эти моменты французской и европейской истории на страницах своих произведений, которые могут выступать как литературные исторические источники по данному периоду.

1. Стендаль, Ф. Жизнь Наполеона / Ф. Стендаль. – Москва: Вече, 1997. – 518 с.
2. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию / Е.В. Тарле. – Санкт-Петербург: АСТ, 2009. – 384 с.
3. Коленкур, Арман де. Поход Наполеона в Россию. Мемуары / Арман де Коленкур. – М.: Гала Пресс, 2002. – 413 с.

Б.И. Сидоренко

**БИТВА ПОД САЛТАНОВКОЙ 10 (22) – 11 (23) ИЮЛЯ 1812 Г.
В СВЕТЕ СТАТИСТИКИ ПОТЕРЬ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК:
СПОРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИОГРАФИИ**

Салтановское сражение можно назвать самой крупной военной операцией 2-й русской армии на пути от западных границ России до Смоленска с тактической и стратегической точек зрения, когда войскам П.И. Багратиона удалось избежать окружения и благополучно переправиться на левый берег Днепра. Если ход этого сражения и его основные этапы практически по часам рассмотрены отечественной и французской историографией, то некоторые моменты событий, без которых невозможно создание полной картины Салтановского боя, уяснения его роли и места во всей кампании 1812 г., все еще далеки от своего научного решения. К их числу относится и численность потерь, которые понесли обе стороны во время сражения. Их количественному измерению и посвящена эта статья.

Еще не успели сгладиться первые впечатления от Салтановского боя (собственно сражение проходило между деревнями Фатово, Салтановка и Дашковка), а Багратион уже писал сенатору Комбурлею в Петербург: «После известий, которые я имел честь доставить Вашему превосходительству от 11 июля за №629, неприятель, усилившись чрезвычайно в Могилеве, вышел из оногo и 11 числа атаковал корпус генерал-лейтенанта при Дашковке... Неприятель, потерявший более 5 тысяч взятых в плен, убитыми и ранеными, не смел преследовать наших войск... и по счету убитых и раненых у неприятеля, мы потеряли мало таковыми» [1, с. 509]. В рапорте Александру I о сражении при Салтановке от 13 [25] июля командующий 2-й армией привел эти же цифры, но о собственных потерях не сообщил [6, с.209]. В дальнейшем выяснилось, что потери русской стороны достаточно высоки и по специальной ведомости составляли: 564 человека убитыми, 1346 ранеными и 594 пропавшими без вести, всего 2504 солдата, офицера и генерала [11, с.711].

Казалось бы, документальная фиксация потерь русской стороны должна была способствовать прочному закреплению их численности в историографии, что в действительности не произошло. В содержательном исследовании Д. Бутурлина, на чьих данных в значительной степени основывалась отечественная историография XIX в., взятых «из официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов», приводятся иные цифры. «Потери неприятеля - сообщил автор - в сражении при Салтановке простирались до 3500 убитых и раненых; сверх того взято у него 500 человек пленных. Россияне также потеряли выбывших из строя более 3000 человек убитых и раненых, в том числе более 300 пленных [5, с. 193–194]. Этих цифр в большей или меньшей степени придерживалась и дореволюционная отечественная историография.